

Аманат в традиционном казахском обществе и российской политике XVIII в.

Гульбану Избасарова

Amanat in the traditional Kazakh society and the Russian policy in the 18th century

Gulbanu Izbassarova (Lomonosov Moscow State University, Russia)

Обычай брать аманатов (заложников) из представителей аристократических родов, сыновей или братьев правителей уходит корнями в древность. После включения в состав России казахов Младшего жуза¹ важной задачей стало удержать их в составе империи. На осваиваемых ею территориях², в том числе казахских, аманатство стало составной частью политики российского правительства.

Как понимали этот социально-политический институт представители русской администрации и как к нему относились казахи в рамках своей национальной психологии; являлось аманатство средством удержания местных правителей в рамках послушания или инструментом принуждения и оказания давления — рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья.

В казахском обществе аманатство толковалось широко — в традиционной среде оно имело правовое и морально-этическое значение³. Кочевники (в том числе казахская верхушка) первоначально понимали его в качестве наказа и обязанности. В указе императрицы Елизаветы Петровны от 1759 г. отмечалось «введенное издавна обыкновение содержать в Оренбурге в аманатах киргиз-кайсацких ханов детей, которые для них всегда и немалым *обязательством* (курсив мой. — Г.И.) служили»⁴.

Изначально аманатство являлось условием сохранения мирных отношений между враждовавшими племенами или народами. Прежде всего его использовали арабы, персы, крымские татары, казахи, азербайджанцы и народы Северного Кавказа (аварцы, ингуши, кабардинцы и т.д.). В качестве заложничества аманатство применяли и представители российской администрации. В частности, начальник Оренбургской комиссии в 1737–1739 гг., тайный советник В.Н. Татищев, так объяснял данный термин: «На збережение, которые междо воюющими во время какого переговора для безопасности от одного другому люди знатные даются, доколе договорятся или оставят и оных паки разменяют. Другое, от ненадежных подданных берутся знатных людей дети и братья

© 2017 г. Г.Б. Избасарова

¹ Младший жуз занимал территорию современного Западного Казахстана.

² Гренёв А.В. Туземцы-аманаты в русской Америке // Клио. 2003. № 4(23). С. 129.

³ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т. 1. Алматы, 2011. С. 168.

⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГА ОО), ф. 3, оп. 1, д.49, л. 45.

родные, как то у нас от многих степных народов, тако, яко от горских, татарских и других народов берутся и на довольном пропитании содержаться»⁵.

По мнению В.В. Трепавлова, русские заимствовали институт аманатства (заложничества) из ордынской политической практики, которая восходила к мусульманской традиции отношений с кочевниками⁶. Так, дети «собирателя Руси» Ивана Калиты были в Орде своего рода заложниками. Тверской князь Александр Михайлович в борьбе за великое княжение Владимирское осенью 1338 г. отправил сына Фёдора к хану Золотой Орды Узбеку (1312–1342), с одной стороны, как представителя князя в ханской ставке, с другой – как заложника⁷.

Так, самых близких и дорогих людей отдавали в заложники как гарант исполнения принимаемых на себя обязательств. Но за их неисполнение именно аманаты могли навсегда лишиться свободы, а иногда и жизни. Заложничество было характерно и для Османской Порты. Например, крымский хан Менгли-Герей по требованию султана Селима I (1512–1520) отправил к его двору своего любимого сына Сеадат-Герее (первый случай в истории крымско-турецких отношений)⁸. Крымские чингизиды были недовольны тем, что хан не желал «вступать в открытую вражду со свирепым султаном»: «Разве мы слуги османам, что ли?! Что же он равняет нас с гяурами, коли ставит заложничество основанием мира? Ни царевич пусть не едет к нему, ни из нас никто не считает этого приличным. Куда же девалась наша честь и достоинство, что падишах ведет подобные речи?! Он еще, видно, не знает хорошенько рода чингизова, что оскорбляет обычаи чингизские!»⁹.

Казахские ханы и султаны отправляли своих детей в аманаты к джунгарскому хунтайджи (титул правителя Джунгарского ханства. — *Г.И.*). В 1742 г. российскую Коллегию иностранных дел (далее — КИД) встревожил тот факт, что Средний казахский жуз во главе Абулмамбет-ханом, Барак-султаном и Аблай-султаном передавался в джунгарское подданство¹⁰: хунтайджи Галдан Церен потребовал уплаты дани от владельцев Среднего жуза и присылки аманатов, угрожая в случае отказа войной. В декабре того же года Абулмамбет отправил в Джунгарию своего сына Абулфеиза, а спустя полтора года его «сменил» Шигаи — сын Барак-султана.

Институт аманатства широко применяли и в Цинской империи. По конфуцианским традициям залог людьми отрицался, поэтому в китайской дипломатической практике его называли «воспитанием при дворе чужеземца»¹¹. Знатный заложник придавал блеск императорскому двору, являлся живым свидетельством мощи Поднебесной. Отправлявшиеся в Пекин или его пограничные районы аманаты — дети и родственники правителей «соседних» территорий — выступали гарантами решения политических или экономических вопросов и политического равновесия. Для Китая, отмечает К.Ш. Хафизова, также было

⁵ *Татищев В.Н.* Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 162.

⁶ *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления подданства у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 140.

⁷ *Борисов Н.С.* Иван Калита. М., 1997. С. 245.

⁸ *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 379, 395.

⁹ Там же. С. 383.

¹⁰ *Крафт И.И.* Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами. СПб., 1901. С. 9.

¹¹ *Хафизова К.Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 31.

характерно держать захваченных во время военных действий или отвоёванных у джунгар аманатов, которые никогда не возвращались на родину¹².

Что касается России, подписание договора вкупе с присягой на верность, требованиями платежа ясака и дачи аманатов входило в обычную практику зазывания государством первоначальных отношений с нерусскими народами Поволжья и Сибири начиная ещё с XV в.¹³ Договоры, заключённые с туземной знатью этих регионов, считает М. Ходарковский, воспринимались Москвой (и тем более Петербургом) не в качестве взаимных, а лишь как «клятва верности нехристианских народов московскому сюзерену». Также договоры (и присяга на верность) изначально были нацелены на трансформацию статуса этих ранее независимых народов, их дальнейшую политическую интеграцию в состав Российского государства¹⁴. В XVIII в. в Астрахани, Терской и Кизлярской крепостях, Святом Кресте, Моздоке и Уфе содержались посланные чеченскими, калмыцкими, кабардинскими и ногайскими владельцами аманаты. Согласно данным Сотавова, в 1726–1727 гг. их как залог верности России отправляли десятки правителей и старшин Дагестана, Кабарды и Чечни¹⁵. Г.А. Кокеев уточняет, что «в Терках в начале XVIII века аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 году — 18 человек, в Кизляре в 1760 году — 20 человек»¹⁶; возраст их составлял от 3 до 26 лет. В 1763 г. в Кизляре в аманатах находились дети кабардинских и калмыцких владельцев, а в Оренбурге — сын казахского хана Нурали.

Отправленное в 1730 г. казахским ханом Абулхаиром¹⁷ посольство — с просьбой о принятии под протекцию России казахов Младшего жуза — достигло успеха. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о новых подданных. Для принятия от хана присяги на российское подданство в Степь отправилось посольство во главе с переводчиком восточных языков КИД А.И. Тевкелевым. По требованию своего ведомства он не стал настаивать на выдаче аманата во время первой встречи с ханом, состоявшейся в октябре. Кроме того, Тевкелев получил указания: в случае отказа Абулхаира платить ясак и давать в Уфу аманатов, от него следовало добиться лишь подписания «пунктов» и выполнения обещания жить «в миру». Это сообщил и сам

¹² Там же. С. 30.

¹³ Сухих О.Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII — первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 138–139.

¹⁴ Khodarkovsky M. Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples*, 1700–1917. Indiana, 1997. P. 13–14; *idem*. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002. P. 51–56. В период покорения Кавказа (1817–1864) русские военные часто использовали детей горских князей и старшин в качестве заложников. При захвате дагестанского города Акуша генерал А.П. Ермолов взял 24 аманатов и оставил их в Дербенте (Ермолов А.П. Записки. 1818–1825 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века*. СПб., 2000. С. 54).

¹⁵ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М., 1991. С. 75.

¹⁶ Кокеев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // *Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения (Сталинир)*. 1933. Вып. 1. (Отдельный оттиск). С. 193.

¹⁷ Абулхаир Мухаммед Кажы Бахадур (1693–1748) — хан Младшего жуза казахов в 1710–1748 гг.; сторонник сильного государства, которое пытался создать, опираясь на помощь России; в 1731 г. инициировал вхождение Младшего жуза в состав Российской империи.

хан: «В начале, когда к нам, к казахскому журту, явился Тевкелев мурза, он не предъявлял требования детей и отдачи сына»¹⁸.

Почему же не делался упор на взятие аманатов? Видимо, такой метод сочли неэффективным. Правильность этого шага вскоре подтвердилась в ходе взаимоотношений российского правительства с башкирами. В инструкции, полученной 18 мая 1734 г. И.К. Кирилловым, направленным в Оренбургский край, был раскритикован данный институт: «От худых в том содержании порядков, худых людей и в аманаты давали, какие и ныне есть, что башкирцы дву дорог самые последние люди держаться, до которых, хотя б они век свой тут окончали, башкирцам нужды нет»¹⁹.

Взамен заложничества предлагалось от каждого народа учредить в главном пограничном городе особые суды во главе с представителями российской администрации. В деятельности этих органов должны были участвовать «тоlikое же число лучших людей, ханских детей, из солтанов и из старшин, и к тому при суде другие мелкие чины, по обстоятельству каждого народа»²⁰. Один—два года здесь находились бы и знатные казахи, которые — что очень важно — в соответствии с местным правом занимались бы делами новых подданных (однако такие суды ещё не скоро появятся в Оренбургском крае).

Заложниками от Младшего жуза казахов стали члены семьи хана Абулхаира и родившиеся от его старшей жены Бопай дети. Первым аманатом был их сын Ералы. В 1732 г. 11-летнего наследника в качестве посланника хана вместе с его 50-летним двоюродным братом Ниязом отправили в Санкт-Петербург. 10 февраля 1734 г. казахское посольство было на приёме у её императорского величества²¹ (о чём сообщили «Санкт-Петербургские ведомости»²²).

Через некоторое время в Степь вернулись старшины, сопровождавшие Ералы, а он остался в крепости. В связи с начавшимся голодом в городе сына хана на некоторое время отпустили домой²³. Но с августа 1735 г. по 1738 г. Ералы в качестве аманата оставался в Оренбурге (возник у слияния рек Ори и Яика)²⁴. Называя своего сына послом при российском дворе, Абулхаир не считал его заложником, но уже в 1740-х гг. вынужден был признать обратное.

10 июля 1738 г. к тайному советнику В.Н. Татищеву прибыл ранее отправленный к Абулхаиру башкирский старшина Таймас²⁵. Он доложил начальнику, что Бопай-ханым спрашивала его про Ералы и, сердясь, сказала: «Для чего у сына моего со шпагами караул поставили?»²⁶. Таймас заявил, что

¹⁸ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751) / Отв. ред. М.П. Вяткин. Т. 2. Ч. 2. Алма-Ата, 1948. С. 73.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 14.

²⁰ Там же, л. 14 об.

²¹ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 3; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов / Под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата, 1961. С. 53—54; Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). Т. 2. Ч. 2. С. 73.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1734. № 13. С. 4.

²³ Игнатьев Р. Киргизы Оренбургского ведомства // Оренбургский листок. 1880. № 27.

²⁴ Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII—XIX веков. Оренбург, 2005. С. 19.

²⁵ Таймас Шаимов — башкирский тархан (титул; после присоединения Башкирии к Российскому государству его получали за особые дипломатические, военные и другие заслуги; тарханы освобождались от налогов и повинностей), батыр Сибирской дороги участвовал в посольской миссии Тевкелева в Младший казахский жуз в 1731—1732 гг.

²⁶ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных известий о киргис-кайсацких и башкирских обращениях. 12 августа 1738 г. // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 24.

императрица не имела никакой выгоды от жития Ералы, а «вам прибыль есть, потому что он всегда получает жалованье», а «караул поставлен для его чести, ибо-де по указу нашей государыни и у генералов, и у полковников караул по их чести ставят»²⁷. Он объяснил казахским батырам и биям, что Ералы, как и дети многих владельцев, жил при государыне как их залог «правды и верности России».

Абулхаир не раз просил заменить Ералы Кожа Ахметом — третьим сыном хана от Бопай-ханым. Тем временем в российской столице ждали от оренбургского начальства следующих уточнений: «Ходжа Ахмет прямой его Абулхайров сын и от единой матери с Эрали салтаном рожден, и в таком ли равном люблений родители его содержат, как упомянутого Эрали Салтана?»²⁸. Такая тщательная проверка происхождения отпрыска хана объясняется тем, что некоторые народы заменяли аманатов бедными детьми или рабами, выдавая их за своих родных потомков.

Обида, вызванная запретом администрации Оренбурга на замену аманата, и нежелание Абулхайра выполнять её условия принятия российского подданства стали причинами участия хана в башкирских восстаниях 1735—1738 гг. Зимой 1737/38 г. он провёл среди восставших и женился на дочери одного из башкирских старшин Отнохарт²⁹. Затем Абулхаир попытался сделать Кожа Ахмета ханом Башкирии. Боязнь объединения казахов и башкир вынудила российское правительство разрешить замену аманата. Татищев «выбрал» Кожа Ахмета, и тот «сменил» своего старшего брата 27 августа 1738 г.³⁰ Заложникам «при отпуске» из Оренбурга выдавались денежные награды и сабли³¹ — Ералы получил пансари, ружьё и саблю³². К обучению же султана Кожа Ахмета, содержавшегося за счёт Оренбургской губ., обещал приступить сам тайный советник.

Однако в 1743 г. Абулхаир просил администрацию заменить уже Кожа Ахмета: «Некоторые малоразсудные кайсаки его, хана, тем порицают, и от них он имеет зазрение»³³. В апреле следующего года Абулхайру, который первый «пришёл» в подданство Российской империи и заботился об удержании казахов от набегов на её территорию, сообщили «милостивое решение»: чтобы его дети «в надлежащем по состоянию их и с честью хана сходственным, обучении и сведении были, повелено детей ханских содержать в С.-Петербурге, а не на границе и тем уничтожить укоризны и непристойные толкования»³⁴.

Инициатива содержания Кожа Ахмета в столице исходила от оренбургского губернатора (1744—1758) тайного советника И.И. Неплюева. В совместном донесении Неплюева и генерал-майора Штокмана в КИД от 4 марта 1744 г. сообщалось: «Содержание его (Кожа Ахмета. — *Г.И.*) впредь в тамошних местах представляют крайне невозможным и требуют, чтоб он того султана содержать в резиденции Е.И.В.»³⁵. Это объяснялось тем, что в 1743 г. казахи не раз напали на волжских калмыков и русские селения. Находясь на чужбине, молодой

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 25.

²⁹ ГА ОО, ф. 2, оп. 1, д.3, л. 39 об.

³⁰ Более подробно см.: *Татищев В.Н.* Экстракт из полученных известий... С. 15—63.

³¹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 113 об.

³² *Тевкелев А.* Журнал происходящим по комиссии брегадира Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 3. Алматы, 2005. С. 252.

³³ *Крафт И.И.* Тургайский областной архив... С. 13.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 30 об.

аманат начал «производить не порядки» и пытался бежать из Сорочинской крепости, после чего были усилены меры по её охране. Определив здесь иррегулярную команду в составе 200 человек³⁶, приняли решение о содержании Кожа Ахмета в Санкт-Петербурге.

В конце октября 1744 г. Абулхаир отправил императрице Елизавете письма, в которых просил позволения быть аманату на приёме при царском дворе, а потом весной отправить его (с награждением) на родину — в Орду. Хан даже согласился на строительство в Оренбурге дома для сына, «где б ему завсегда приезжать и выезжать было позволено». Так как смерти не минует никто, то молодому султану всё равно где жить, писал Абулхаир и приводил слова его братьев и детей: «Кто де туда ездит, тот назад не возвращается, ибо де, хотя кто к калмыкам ездит, те и от них скорее возвращаются»³⁷.

В январе 1745 г. Кожа Ахмет и находившиеся при нём трое старшин прибыли в Москву, а 30 марта — в Санкт-Петербург. Здесь султан находился более года³⁸. Это время тосковавший по родине Кожа Ахмет называл «весьма скучным» и беспрестанно просил отпустить его в Орду. По поводу целесообразности такого решения КИД обратилась к Неплюеву, опасаясь, чтобы от скуки султан не сделал какой-нибудь «непристойности». Инцидент всё же произошёл — 5 января 1746 г. между аманатом и одним из старшин — Казбеком произошла ссора, которая переросла в драку и чуть не закончилась убийством Кожа Ахмета. В итоге, по словам Тевкелева, Правительствующий Сенат принял решение о содержании султана в Татарской слободе, расположенной рядом с Казанью.

22 марта 1746 г. Кожа Ахмета отправили на новое место жительства. Однако вскоре он влюбился в дочь одного татарина и потребовал «её за себя в замужество»³⁹. Аманату разрешили жениться (после того, как предложение Неплюева об этом одобрила КИД), так как выбранная татарская девушка происходила из знатного рода и не должна была жить «по-степному», следовательно могла стать для других примером «к лучшему человеческому житию»⁴⁰. Но по указу Сената от 4 сентября 1746 г. казахам запрещалось жениться на башкирках, казанских и оренбургских татарках, а башкирам и татарам — на казашках (астраханский губернатор должен был следить за исполнением указа и в отношении кизлярских татар)⁴¹.

Тем временем приближённый Абулхаира Джанибек-тархан возбудил ходатайство о замене Кожа Ахмета другим сыном хана — Чингизом — и об отправке вместе с ним нескольких сыновей старшин Младшего и Среднего жуза. В КИД посчитали замену возможной, но окончательное решение вопроса предоставили Неплюеву. Оренбургская администрация отказалась принять Чингиза, так как он был рождён не Бопай, а младшей женой хана калмычкой-торгоуткой Баян⁴².

³⁶ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). С. 90.

³⁷ Там же. С. 112.

³⁸ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 15.

³⁹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 214; ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 95, л. 193; Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 17.

⁴⁰ ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 236, л. 3; л. 40 об.; Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 20.

⁴¹ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 40 об.

⁴² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 1999. С. 292; Поколенная роспись династий казахских ханов и султанов и описание родоплеменного состава трёх жузов // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 3. С. 300.

Рассвирепевший хан заявил явившимся от Неплюева переводчикам, что «я-де вас, яко собак, у себя заморю»⁴³. Вскоре казахи, призванные Абулхаиром к нападению на пограничные поселения, «около Оренбурга в плен забрали 96 русских и 4 иноверцев»⁴⁴. Но аманат не понёс наказания за поступки своих соотечественников — это не входило в практику дипломатических отношений Российской империи.

Отказ Неплюева принять султана Чингиза — побочного сына Абулхаира — стал продуманным шагом в подрыве его авторитета в Степи. Предоставление правителем своего отпрыска в аманаты иностранному государству не являлось частным делом этого лица, а представляло собой, по сути, международно-правовой акт. Он означал признание «дающим» определённых политических обязательств перед принимающей стороной и установление отношений взаимозависимости⁴⁵. Невозможность добиться смены аманата могла обернуться для хана внутривнутриполитическими осложнениями, стать показателем его бессилия и невысокого международного престижа. Этими соображениями и мотивировал Абулхаир своё требование о возвращении Кожа Ахмета в Степь. 7 ноября 1743 г. в прошении императрице Елизавете хан писал: «Здесь бии и лучшие люди киргиз-кайсаков (казахов. — *Г.И.*) и журт (население; народ. — *Г.И.*), говорят: эй, хан, журты равные нам, как-то: верхние калмыки — Галдан Чирин, шуршуты — китайцы, персияне — окружающие журты, стали народами (равноправными) не тем, что отдали сына своего хана». Казахи говорили ему: «Ты сам отдал своего сына, приготовив его как животное». Хотя Абулхаир просил: «Окажите нам милосердие, отпустите Хожа-Ахмета... Тогда наши слова были бы более вескими в глазах злоязычных и наших врагов»⁴⁶, но в Оренбурге не торопились решать вопрос о смене аманата.

Озлобленный хан говорил вахмистру Ивану Уракову⁴⁷, что до весны (1745 г. — *Г.И.*) подождёт известий из столицы, но даже нахождение собственного сына в России не удержит его, «если не будет в сердце верности». Кожа Ахмета он рассматривал как умершего человека — тот был «заперт в пустой крепости, где нет людей и торго». Хан напоминал, что сына его взяли не «из-под сабли», и был возмущён его положением. Он сравнивал Кожа Ахмета с сыном хана Среднего жуза Абулмамбета, взятого силой в аманаты джунгарами, который сообщал, что «и тут держат со сменою»⁴⁸. Абулхаир заявил: «Что или де хотят меня привести как башкирцов или калмык, токмо де так не приведут».

⁴³ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. Казань, 1897. С. 682—695; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.

⁴⁴ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 9; ОР РГБ, ф. 222/8, л. 43.

⁴⁵ Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731—1759) // История Казахстана в русских источниках XVI—XX веков. Т. 3. С. 30.

⁴⁶ Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). С. 74.

⁴⁷ Иван Ураков — вахмистр Уфинского гарнизонного драгунского полка; в 1742 г. отправлен в ставку Абулхаира для наблюдения за событиями, происходившими в Младшем казахском жузе; 31 октября 1744 г. вернулся в Оренбург и в губернской канцелярии сообщил, что хан велел ему возвратиться, так как не может его содержать зимой. Главная же причина заключалась в том, что Кожа Ахмет попросил отца, чтобы «находящихся при нем русских офицеров он отослал обратно. Молодой султан передавал, пусть 1000 и больше человек будут содержаны при хане, но ему молодому султану здесь не будет никакой пользы от этого» (Материалы по истории Казахской ССР (1741—1751). С. 76).

⁴⁸ Там же. С. 114.

Таким образом, данный конфликт вышел за пределы личного столкновения хана и оренбургского губернатора.

В 1746 г. кризис во взаимоотношениях Неплюева и Абулхаира достиг «пика». В течение восьми лет хан не приезжал в Оренбург, а беспокойства на границе усилились. Губернатор предлагал «одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести». Но в КИД его не поддержали. По представлению канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина императрица Елизавета указом от 7 июля 1747 г. распорядилась направить из столицы в Оренбург бригадира Тевкелева, которому поручила разрешить конфликт между тайным советником и ханом⁴⁹. Последнему Петербург пошёл на уступки. В полученной бригадиром инструкции предусматривалось, что в случае упорного нежелания Абулхаира отдать в аманаты вместо Кожа Ахмета другого сына от ханши Бопай, нужно будет согласиться на принятие Чингиза⁵⁰.

Хану об этом решении императрицы Тевкелев не сообщил⁵¹. Он был настроен взять в аманаты брата Кожа Ахмета — Айшуака, который из-за малолетства ранее не рассматривался как кандидат, но был умён и обладал сильным характером. Так, когда на собрании казахских старшин (более 500 человек)⁵² решался вопрос об отправке Айшуака в аманаты, тот выдвинул ультиматум: поездка состоится, но только если вместе с ним окажутся дети знатных старшин — его будущие товарищи. Тевкелев отреагировал на это решение с удовольствием. Он возлагал на новых аманатов большие надежды: «Станут насматриваться российских добрых порядков и полезные учреждения примечать, то они будут уже и знать и рассуждать, что есть доброе основание, какое от того благополучие и польза, или от чего происходят худые следствия со вредом народа, и тогда, как они возвратятся в свою орду, не токмо они сами находиться будут с их ординскою пользою, но и многих неразумных людей и недоброжелателей спокойного жития наставлением и увещеванием в доброй и полезной порядок привести могут»⁵³.

2 июня 1748 г. в Орск прибыли Тевкелев и Кожа Ахмет для встречи с отцом, братьями и замены Айшуаком. В 20-х числах июля в городской крепости в присутствии Абулхаира аманатом стал Айшуак, при котором были ещё четверо (по другим источникам — пятеро) отпрысков знатных старшин⁵⁴. Содержание султана и детей старшин шло за счёт российской казны. Ежегодно на подарки ханам и старшинам выделялись 1 500 руб., из них 500 руб. — на содержание аманатов⁵⁵, которые могли взять провизию деньгами или натурой.

При «смене» Кожа Ахмета Абулхаир согласился менять аманатов каждый год⁵⁶, но в середине августа 1748 г. его убили. Этому предшествовало следующее событие. Зимой 1747/48 г. резко ухудшились отношения между ханом Младшего жуза и его давним соперником султаном Бараком. Тогда люди Абулхаира «перехватили» свадебное посольство, направлявшееся от хивинского хана Каипа к султану. Дары, предназначавшиеся в качестве выкупа за сосватанную у Барака дочь, были расхищены. В ответ султан напал на подвластных хану

⁴⁹ Сначала какое высокое разсуждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в потданство Российской империи о принятии способы искать // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 3. С. 321–322.

⁵⁰ Поколенная роспись династий казахских ханов... С. 32.

⁵¹ Тевкелев А. Указ. соч. С. 216.

⁵² Там же. С. 214.

⁵³ Там же. С. 199.

⁵⁴ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 95, л. 94.

⁵⁵ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 269.

⁵⁶ ГА ОО, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 9 об.

каракалпаков. Абулхаир выехал с небольшим числом людей для разбора дела, встретился с вражеским отрядом и в неравной схватке был убит.

10 июля 1749 г. ханом стал старший сын Абулхаира Нуралы. 9 августа Неплюев сообщил в Санкт-Петербург, что вместо Айшуака в аманаты приняли младшего брата Нуралы — султана Адила, при котором оставили троих старшин и пятерых старшинских детей⁵⁷. Все эти люди, отмечал тайный советник, кроме провизии, получили ещё и казённую одежду⁵⁸.

Тевкелев полагал, что после смерти хана Абулхаира его дети, хотя и будут признаны в качестве аманатов своих братьев, рождённых от других жён их отца, но старшины откажутся выполнять данное распоряжение. Ещё в 1748 г. от Нуралы потребовали в аманаты его детей, но тот отказал, сославшись на их малолетство, хотя в данном случае речь могла идти и о младенцах. Например, в 1746 г. Абулхаиру сообщали, что есть возможность заменить Кожа Ахмета другим сыном, рождённым от ханши Бопай, или внуком⁵⁹.

В 1750—1769 гг. 12 малолетних сыновей Нуралы были аманатами. Однако, как отмечалось в указе КИД, ещё до них в таком положении находились их ровесники — дети черкесских правителей⁶⁰. Смерть двух аманатов от хана Нуралы (последнего — Урдугали в 1769 г.) и неэффективность заложничества в целом привели в дальнейшем к отмене этого социально-политического института.

Отношение к статусу и составу аманатов стало меняться в период правления оренбургского губернатора А.Р. Давыдова (1759—1763). Если ранее хан и его ближайшие сподвижники решали вопрос, кому быть аманатом, и в таковом качестве рассматривались только дети хана и знатные султаны, то теперь ими могли стать представители новых родов. По мнению Давыдова, для безопасного следования купеческих караванов через казахскую степь необходимо было содержать в Оренбурге в качестве аманатов старшин и старшинских детей, в особенности от рода шекты, как самого сильного. Уже имелся опыт бухарских купцов, которые за высокую плату нанимали для сопровождения своих караванов представителей именно этого рода и проходили свой путь благополучно. Губернатор говорил о необходимости уговорить высоких представителей шекты дать старшин в аманаты, а в случае отказа взять силою тех из них, кто будет приезжать в Оренбург к меновому двору⁶¹. В КИД были против насилия, посчитав, что оно послужит поводом для грабежа тех самых караванов, о безопасном проезде которых и беспокоились. Поэтому предлагалось уговорить знатнейших из шекты, чтобы они дали аманатов или приняли на себя безопасное препровождение караванов. Для этой цели из казны даже обещали выдать деньги⁶².

Ещё в 1751 г. в крепостях и форпостах как залог спокойствия в период перехода на внутреннюю сторону Яика появились казахские аманаты от старшин родов⁶³, после 1770-х гг. — от старшин и «лучших» людей. С 1805 г. по предложению Оренбургской пограничной комиссии стали брать заложников от казахов, которых пускали со скотом за Урал, прибывших на зиму к Оренбургской линии⁶⁴. Высочайший указ от 17 июля 1808 г. повелевал оставлять аманатов от

⁵⁷ Там же, д. 95, л. 196.

⁵⁸ Там же, л. 196 об.

⁵⁹ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 17.

⁶⁰ ОР РГБ, ф. 222/8, л. 57 об.

⁶¹ Там же, л. 113—113 об.

⁶² Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 99.

⁶³ Там же. С. 57.

⁶⁴ ГА ОО, ф. 6, оп. 10, д. 236, л. 6 об.

почётнейших казахов (преимущественно у родоначальников)⁶⁵, выступавших в качестве залога их ненападения на российские крепости — там заложники находились до окончания кочёвки.

В заключение отмечу: именно дистанция между казахскими культурными и русскими политическими представлениями в толковании понятия «аманатство» заставила казахскую элиту (дом Абулхаира после аманатства Кожа Ахмета) пересмотреть его значение. Понимание этого слова постепенно структурировалось и в кочевой среде — обычай приобрёл новое социально-политическое значение в казахско-русских отношениях.

Российская администрация использовала аманатство во внутренней политике. «Вертикальное» заложничество (с позиции власти) породило один из действенных правовых инструментов того времени — договор залога⁶⁶. Институт аманатства стал видом правовых правил для регулирования отношений между Российской империей и Младшим казахским жузом, а также средством удержания местных правителей в рамках послушания. Казахские аманаты не несли ответственности за действия своих соплеменников в Степи, были неприкосновенны, содержались за счёт казны (правда, выделяемые суммы иногда менялись), а российская администрация оказалась более терпимой, чем Джунгарское ханство и Цинская империя.

Ещё в середине XVIII в. русские администраторы поставили вопрос об исключении аманатства (заложничества) из практики взаимоотношений с подданными народами, в том числе с казахами (Рычков и Тевкелев выступали против данного института). Из-за складывавшихся в Младшем жузе нестабильных отношений российская сторона вынуждена была искать новые средства (невыплата хану жалованья или задержка знатных казахов, прибывших для торговых целей в Оренбург), чтобы заставить казахов выполнять принятые ими обязательства.

В 1735–1769 гг. аманатами были четыре сына хана Абулхаира и 12 детей Нуралы. С 1770-х гг. институт аманатства потерял элитарный характер и в приграничные крепости в качестве заложников стали отправлять уже представителей «чёрной кости».

К 1820-м гг. стало актуальным внедрение административных порядков Российского государства во внутреннее устройство казахского общества. Согласно «Утверждённому мнению Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» (1824) в Младшем казахском жузе была создана новая государственно-административная система управления. Аманатство потеряло своё значение с появлением линейного, степного и дистаночного (с 1831 г.) управления. На местное начальство в лице султанов-правителей, дистаночных и аульных начальников возлагались надзор за поведением казахов, «содержание их в верности и послушании», искоренение всякого самоуправства и т.д. Методы военно-полицейского нажима данной системы оказались результативными. В 1837 г. было введено налоогообложение казахов Оренбургского ведомства и те перешли из формального подданства в фактическое. Инкорпорировав казахов в налоговую, административную и правовую структуры, Российская империя постепенно превратила свою бывшую окраину во внутреннюю губернию.

⁶⁵ Там же, л. 64 об.

⁶⁶ *Перевалов В.Д.* Истоки юридических знаний // Материалы круглого стола «Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования». Екатеринбург, 2013. С. 14.